

Андрей Кивинов

Пути Господни

Андрей Кивинов

Пути Господни

«Автор»

2010

Кивинов А. В.

Пути Господни / А. В. Кивинов — «Автор», 2010

«Виталий никогда не подсаживал попутчиков. Даже если бы те предлагали щедро заплатить. И не потому, что не нужны деньги. Они всегда нужны, особенно сейчас, в кризис, когда гонорары упали почти вдвое, да и платят их с большим опозданием. И не потому, что боялся нападения грабителей, маскирующихся под случайных пассажиров. Хотя его машина и была аппетитной, и ее уже дважды пытались угонять...»

© Кивинов А. В., 2010

© Автор, 2010

Андрей Кивинов

Пути Господни

Виталий никогда не подсаживал попутчиков. Даже если бы те предлагали щедро заплатить. И не потому, что не нужны деньги. Они всегда нужны, особенно сейчас, в кризис, когда гонорары упали почти вдвое, да и платят их с большим опозданием. И не потому, что боялся нападения грабителей, маскирующихся под случайных пассажиров. Хотя его машина и была аппетитной, и ее уже дважды пытались угонять.

Просто не подсаживал и все. Салон машины он считал своим маленьким миром, куда не хотелось впускать посторонних. У каждого человека существует место, где ему уютно и спокойно. У Виталия это салон его «ниссана». За рулем он чувствовал себя, как улитка в домике. Закрывал окна и двери, врубал музыку и отключался. От всего, кроме управления, конечно. Управлял он неплохо, десятилетний стаж без единой аварии и даже легких инцидентов. Музыка, кстати, он слушал только в дороге.

Но сегодня он изменил правило. И даже не осознал, почему это сделал. Почти на автомате, словно опытный «бомбила». Ногу на тормоз, руль вправо. Что-то нашло. Такое случается время от времени. Сам не понимаешь зачем, а делаешь. Может, потому, что лил сильный дождь, а у голосующего не было зонта. Вернее, голосующей. И на несколько километров вперед и назад ничего, кроме темного леса. И он подумал, что, если не изменит правило, ей придется ночевать на остановке. Время-то не раннее, попутки на этой дороге большая редкость. А автобусная остановка не самая лучшая гостиница.

Когда он подъезжал, она как-то нерешительно подняла руку. Выражение лица какое-то виноватое, словно у рефлексирующего нарушителя, пойманного инспектором ГИБДД. «Ну, пожалуйста, подкиньте, а?»

Притормозив, он опустил правое стекло. Она подбежала к машине.

– Здравствуйте... Вы мимо Светинец не поедете? Здесь рядом...

Виталий вспомнил, что табличка с названием такой деревни действительно есть на трассе. Километрах в десяти отсюда. Сама деревня чуть в стороне, и с дороги ее не видно.

– Садитесь, – кивнул он на сиденье.

– Ой, спасибо... Я только вещи принесу. Небольшой «окающий» акцент говорил, что она местная. Ей было лет двадцать, двадцать два. Рыжие волосы, убранные в тугой пучок, веснушки. Не очень правильные черты лица. Конкурс «Мисс деревня» она вряд ли бы выиграла. И даже не вошла бы в двадцатку финалисток. Нос картошкой, широкие брови. Полное отсутствие косметики и бижутерии. Фигуру оценить невозможно – безразмерный плащ, скроенный из пестрой кухонной клеенки, скрывал достоинства. Или недостатки. В общем, типичный представитель агрария из глубинки. Хотя сейчас, может, уже и нетипичный. В иных деревнях молодые крестьянки фору городским дадут.

Вещи лежали на скамье под навесом у остановки. Поношенный брезентовый рюкзак и пара хозяйственных сумок, судя по всему, тяжелых. Вернувшись, она кивнула на багажник.

– Это туда?

Виталику не очень хотелось выходить под дождь. Большим пальцем он указал на заднее сиденье.

– На пол положи. А сумки на колени. – Он сразу перешел на «ты», подчеркивая свой статус.

– Да, хорошо. – Девушка без рассуждений выполнила указание, примостившись сзади. Затем довольно сильно хлопнула дверью.

– Не надо так хлопать, – проворчал Виталик, – это не трактор.

– Ой, извините... Просто у дяди Миши «Жигули», я привыкла хлопать.

Кто такой дядя Миша, она не пояснила. Еще одна примета деревенского менталитета. Говорить об известных только ей людях так, словно их знает весь мир. «Дядя Миша на „Жигулях“? Ну конечно! Еще бы не знать?! Любого спроси!»

Виталий нажал педаль газа и перевел щетки в более интенсивный режим – дождь усилился.

– Ой, спасибо вам, – еще раз поблагодарила попутчица, – из города электричка задержалась, там на станции пять поездов из Москвы стоят. Авария, наверное. А последний автобус час назад ушел. Спасибо, парень на «КамАЗе» хоть досюда подвез. Если б не вещи, я бы и пешком дошла.

Виталий из вежливости кивнул, мол, ему интересно. На самом деле его совершенно не интересовали опоздавшие поезда и проблемы попутчицы.

Она продолжала лопотать всякую ерунду, типа испортившейся погоды. «Вы посмотрите, как льет! И конца не видно. А все лето такое... Зато грибы пойдут...»

– Уже пошли. Побежали, – буркнул Виталий, вспомнив про попадавших на трассе старушек, тор гующих лисичками.

Сделал музыку погромче.

– А кто это поет? – тут же поинтересовалась крестьянка.

– Келли Кларксон. Американка.

– Красивый голос, – прокомментировала она.

– Да, неплохой.

– А мне больше Орбакайте нравится. Ситуация напомнила Виталию эпизод из сценария старого фильма «Три тополя на Плющихе». Там тоже деревенская женщина разговаривает с водителем о музыке. И даже поет. Про нежность. И тоже идет дождь. Фильм всплыл в памяти не случайно. Виталий часто сравнивал реальные жизненные ситуации со сценариями различных фильмов. Это производственное. Он работал сценаристом. Сочинял истории для довольно известного питерского продюсерского центра, поставлявшего на отечественные голубые экраны многожанровое «мыло»: милицейские детективы, мелодрамы и историческую тягомотину. Виталий специализировался на мелодрамах. В милицейской тематике он ничего не смыслил, историю не любил, но на любовно-семейных перепетиях руку набил. Занимаясь этим ремеслом семь лет, он мог считать себя профессионалом, если слово «профессионализм» уместно в сочинительстве. Случалось, никогда не писавший сценарии человек приносил продюсерам довольно любопытный материал. С точки зрения идеи, конечно. Но для грамотного написания телеистории одной идеи маловато. Нужен навык и знание азов ремесла. А бывало наоборот. Профессиональному, известному автору заказывали какой-нибудь проект, но через пару месяцев он разводил руками – идея так и не пришла, извините – это творчество, а не поточное производство. А опускаться до халтуры заслуги не велят.

Виталию в плане идей пока везло, но он понимал, что они, как нефть, – рано или поздно закончатся. А найти новые, сидя в четырех стенах, крайне тяжело. Каждый новый сценарий давался все с большими душевными затратами. А продюсеры ждать не будут, найдут новых работников пера. И имя не поможет, ибо кино это бизнес, а бизнесу нужны не твои регалии, а конкретный материал.

В кино он пришел, как и большинство сценаристов, с улицы. Тяга к литературному творчеству проснулась в нем еще на школьной скамье, где он сочинял пародии на классиков из школьной программы и зачитывал их вслух на вечеринках. Творения пользовались успехом, их распечатывали и разбирали на цитаты, как сувениры. Но после вручения аттестата встал вопрос о хлебушке насущном, а пародиями его точно не заработаешь. Подал документы сразу в два вуза – в университет, на филологический, и в педагогический, на литературный. Поступил во второй. Пять лет учебы, два года в армии и два месяца преподавания в средней школе.

Больше не выдержал. Либо он кого-нибудь прибил бы, либо сам в петлю влез бы. Детишки зажигали не по-детски, никакое педагогическое образование не спасало.

Выручила случайная встреча с сокурсницей. Она подрабатывала в продюсерском центре редактором и поведала, что у них жуткий дефицит с хорошими сценариями. И если Виталику есть, что сказать человечеству, она может посодействовать в реализации.

Виталик попробовал. Первый вариант был несовершенным с точки зрения ремесла, но содержал свежую, незамыленную идею. Материал взяли в работу, поручив отшлифовать опытному сценаристу. Поэтому в титрах фильма позднее стояли две фамилии.

Но после пятого сценария он уже набил руку и смог обходиться без наставника. После трех лет сочинительства для ТВ, ему удалось попасть на широкий экран. Фильм собрал неплохую кассу, получил несколько фестивальных наград, а Виталик прикупил относительно новый «ниссан» и домик в Новгородской области. Куда, собственно, сейчас и направлялся.

Он мог бы выбрать что-нибудь поближе к Питеру, как настаивала жена, но предпочел глухомань. Здесь гораздо проще отключиться от бытовых и семейных проблем, сосредоточившись на работе. Опять-таки смена обстановки, что немаловажно для творческого человека. Живописные леса, река, воздух, тишина. Простор. Не то что в Синявино, где несчастные крохотные участки напоминали огромную коммунальную квартиру. Грибы опять же с ягодами. Рыбалка. Четыре часа в пути? Ну и что. Супруга, конечно, поканючила – мол, пустая трата времени и сил. Но в дороге он отдыхал. В дороге он мог отвлечься от сочинительства и просто слушать музыку.

А сегодня не только музыку.

– А в прошлом году, наоборот, сухо было, – продолжала тараторить попутчица, – возле моста Мсту вброд переходили. А нынче все затопило. Я на прошлой неделе переплыть хотела, и не смогла, представляете? Течение сильное, испугалась, что унесет, и вернулась. Но я ее все равно переплыть. Мне баба Вера говорила, что переплытьее можно, только если на душе камня нет. Иначе утянет.

Виталий знал, что Мста – это местная река. Довольно большая. Кто такая баба Вера, понятия не имел.

– Странное название, – из вежливости он решил поддержать разговор.

– Так это от слова «мстить». Как говорят.

– Серьезно?

– Якобы очень давно в ней тонуло много народу. И люди думали, что река мстит им за грехи... Но это глупости, конечно. А вы из Новгорода?

– Из Питера.

– Здорово. Я была там два раза... с родителями. Понравилось. Но у нас здесь тоже красиво.

Она опять затараторила, словно заводной экскурсовод, рассказывая про имение Суворова, находившееся неподалеку, про княжеские могильники-курганы и про президентский грант, выделенный на строительство туристической зоны.

Виталий автоматически прикидывал, нельзя ли использовать информацию в очередном сценарии, сама же история края его мало волновала.

Потом девушка перешла к экономическим проблемам, пожаловалась, что из-за кризиса в деревне закрылся единственный продовольственный магазинчик, хозяин заколотил двери и уехал жить в поселок. Автолавки не хватает, приходится мотаться в райцентр, а то и в Новгород. Там дешевле. А с газом вообще беда. Баллона хватает на три месяца, потом приходится договариваться с водителями, чтобы отвезли поменять. Обещанный газопровод так и не провели.

Виталик по-прежнему ограничивался общими фразами, типа «понимаю» и «бывает». Его вообще удивляла потребность некоторых людей рассказывать о своих проблемах пер-

вому встречному – он же ни с кем не делится своими. Сценарными или бытовыми. Говорят, эта потребность от недостатка общения. Но он тоже мало общается, но откровенничать ни с кем не тянет.

– Сейчас горка, а за ней сразу перекресток, – подсказала девица, – вы там где-нибудь остановите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.